

В. Желиховская

**Во имя долга. Кукла. Над
пучиной**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
В11

B11   **В. Желиховская**
Во имя долга. Кукла. Над пучиной / В. Желиховская – М.: Книга по Требованию, 2018. – 314 с.

ISBN 978-5-458-09818-2

Три рассказа для юношества В. П. Желиховской. С рисунками А. А. Чикина.
Санкт-Петербург : издание Девриена, 1899.

ISBN 978-5-458-09818-2

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

обязанность каждого человѣка не прятаться въ свою раковину, а смѣло выходить всѣмъ на пользу и помошь.

— Въ такой азбукѣ общественной нравственности, кто-жъ сомнѣвается? сказалъ Павель Торновичъ, студентъ медицины на послѣднемъ курсѣ, спокойно взглянувъ на нѣсколько рисовавшагося родственника.

Другіе увѣренno поддержали его; разговоръ снова оживился, дѣляясь общимъ. Молчала только Ксения Николаевна Горянская, старшая сестра Насти, замѣчательно хорошенъкая молодая дѣвушка, дочь хозяйки дома.

Но гимназистка, очевидно, бойкая барышня, не унималась. Она перекинулась словомъ со своимъ сосѣдомъ, незамѣтнымъ, маленьkimъ черноволосымъ юношемъ, медикомъ также, но не изъ кончившихъ курса, какъ другой, находившійся здѣсь товарищъ его по академіи. Онъ, подсѣвъ къ дѣвочкѣ сзади на низенькомъ табуретѣ, шепталъ ей что-то, что заставляло ее улыбаться, а великолѣпные свѣтло-каріе глаза ея искриться насыщливо. Она заставила себя сдѣлать серьезное лицо, выбрала мгновеніе и снова срѣзала старшаго Торновича замѣчаніемъ:

— А вотъ, Дорженевскій, не медикъ, — юристъ тоже, какъ и Викторъ Сергѣичъ, — а побѣхалъ же на Кавказъ... Попросился, самъ вызвался добровольцемъ, на помошь медикамъ въ борьбѣ съ холерною эпидеміей, его и послали... Вотъ онъ — да и много другихъ — «не спрятался въ раковину». Онъ «смѣло вышелъ» на помошь страждущимъ!.. А вы, что же не ёдете, Викторъ Сергѣичъ?

Это ужъ было такъ безцеремонно, что многихъ передернуло, — кого охотой разсмѣяться, кого испугомъ, меньшинство — жалостью, а самого юриста взорвало до того, что онъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва и крѣпко стиснуль подъ столомъ кулаки, чтобы не позволить своему лицу выразить чувствъ его, всѣмъ на потѣху.

— Настя! Какое тебе дѣло? укоризненно замѣтила Варвара Алексѣевна Горянская, дочери.

— Но, мама, можетъ быть Викторъ Сергѣичъ не знаетъ!.. Я думала оказать ему услугу...

— Молода ты, чтобы много думать! срѣзала ее строгого старуха. — Уроки бы шла готовить, вотъ что!

— У меня уроки не залеживаются, мама. А почему же не уснить людямъ?.. Я тоже не хочу эгоистично въ раковину прятаться, когда могу найти полезную дѣятельность!

Она звонко засмѣялась и смѣхъ ея подхватили многіе, и Викторъ Торновичъ въ числѣ другихъ.

— Понятно! сказалъ онъ. — Барышня изощряеть свое остроуміе!.. Пробуетъ силы — и благо ей!.. Въ наше время, чѣмъ острѣе зубы, — тѣмъ больше шансовъ преуспѣвать.

— Да вѣдь Настасья Николаевна въ хронической враждѣ съ Викой! замѣтиль, примирительно Павель Александровичъ, улыбаясь гимназисткѣ.

— Ну, нельзя же ей благоволить ко всѣмъ членамъ нашей семьи! отозвался ему въ тонъ Викторъ:— Будеть, что она къ тебѣ милостива и къ Даніилу Михайловичу особенно любезна!

— Ко мнѣ?.. Что вы, дядюшка? Богъ съ вами! привскочиль маленький медицинскій студентъ изъ-за Настина стула, улыбаясь не безъ коварства, потому что зналъ, какъ не любить его дальний родственникъ этого наименованія.

— Да ужъ нечего грѣхъ таить, племянничекъ? весело отвѣчалъ тотъ: — вы, со своей прелестной ученицей, оба готовы меня въ ложкѣ воды утопить, но кажется, это вамъ не по силамъ!

Онъ усиленно смѣялся, стараясь придать своему смѣху, какъ можно болѣе беспечнаго добродушія.

— Боже мой! Да куда намъ съ вами тягаться!

— Полноте, дядюшка! У насть еще руки не доросли до вашего величія! отшутивались обвиняемые.

Старшія Горянскія, мать и дочь, чтобы прекратить препирательство, ихъ беспокоившее, несмотря на его шуточный тонъ, заговорили съ другими гостями, вызывая ихъ на постороннія темы. Ксенія, перетирая чайную посуду, спросила тихонъко медика Торновича, — рѣшено-ли, что онъ уѣдетъ?.. Куда именно, и когда? Тотъ отвѣчаль, что это «еще по водѣ вилами писано»; что онъ просился, да его не пускаютъ... Что, вѣроятно, прежде конца экзаменовъ не поѣдетъ никуда, а тогда, пожалуй, не за чѣмъ будетъ и Ѹхать; Богъ дастъ, у страха глаза велики: не пойдетъ эпидемія далѣе предѣловъ Кавказа...

— А туда вы не поѣдете?

— Не знаю, право! Туда и безъ меня послали множество народа... Только бы удалось ее далѣе Баку не пустить.

— Дай Богъ! вздохнула Ксенія.

И вдругъ повеселѣвъ, глянула секунду въ глаза симпатичнаго, ласково ей улыбавшагося собесѣдника и тотчасъ же, опустивъ черныя рѣсницы, попросила:

— А вы сегодня намъ поиграете, Павель Александровичъ?

— Да ужъ не пора ли по домамъ?.. Вотъ Викторъ, кажется, собирается...

— Ну, и пусть! быстро шепнула дѣвушка. — А вы погодите еще!.. Сыграйте, что-нибудь!.. Пожалуйста. Настя, зажги свѣчи на роялѣ!.. Чѣмъ ссориться,— сдѣлай дѣло!.. Павель Александровичъ намъ поиграетъ.

Гимназистка и ея сосѣдъ, Данила Михайловичъ Стадолинъ, вмѣстѣ бросились зажигать свѣчи, въ смежной комнатѣ.

— Ты еще долго останешься? спросиль Торновича его двоюродный братъ, надѣвая перчатки. — До свиданія! Я ужъ долженъ Ѹхать... Маман меня ждетъ.

— До свиданія, голубчикъ... Я еще немножко останусь.

Юристъ раскланялся со всѣми, поцѣловавъ, съ изысканной учтивостью, руку Варварѣ Алексѣевнѣ; пошутилъ, на прощанье, съ Настей, насчетъ того, что завтра же попросится «на холеру» и она будетъ виновата, что онъ умрѣть «во цвѣтѣ лѣтъ»...

— «И красоты?» насыщливо добавила Настя. — Нѣтъ ужъ живите, — Богъ съ вами!.. А то всѣ старушки — благотворительницы, у которыхъ вы по особымъ порученіямъ состоите, съ горя перетопятся! не воздержалась она еще разъ кольнуть своего врага.

«Вотъ зелье дѣвчонка!» подумалъ Викторъ Сергеевичъ, надѣвая въ передней пальто. «Вообще, кажется, лучше бы мнѣ бросить это кландестинное знакомство!»

Викторъ Торновичъ, сынъ тайного совѣтника и графини захудалаго, но несомнѣнно древняго рода, весьма кичился своимъ знатнымъ свойствомъ; а проведя все дѣтство съ вдовствовавшей матерью въ чужихъ краяхъ, самъ того не замѣчая, часто мысленно и въ разговорахъ смѣшивалъ французское съ нижегородскимъ, или переиначивалъ иностранныя слова на русское нарѣчіе.

Едва онъ вышелъ и стукнула за нимъ дверь передней, съ маленькаго общества, почти исключительно состоявшаго изъ учащейся молодежи, какъ-будто бы снялось невольное стѣсненіе. Бывшій въ числѣ гостей студентъ университета, слывшій великимъ любителемъ и знатокомъ русской литературы, пользуясь тѣмъ, что Павель Торновичъ уже ушелъ вслѣдъ зе Ксеніей Николаевной и ея матерью въ другую комнату, гдѣ былъ рояль, а меньшая Горянская съ Стадолиннымъ временно вернулись въ столовую, — сталь въ позу и торжественно продекламировалъ, указывая вслѣдъ уѣхавшему:

«И говоримъ мы о добрѣ,
О жизни честной и свободной, —
Что въ первой юности порѣ
Звучить тепло и благородно;
О томъ, что жертвы — нашъ девизъ;
О томъ, что всѣ мы люди — братья!
И публикѣ — изъ-за кулисъ —
Мы шлемъ горячія объятья...»

— Къ кому относятся эти стихи Апухтина, Настасья Николаевна? докончилъ онъ шутливо.

— О! Разумѣется, къ «дядюшкѣ» Данилы Михайловича! смѣясь вскричала гимназистка. — Повторите! Повторите, пожалуйста, еще разъ: я заучу и ему продекламирую ихъ, въ наше слѣдующее свиданіе.

— У-у! Злючка! поддразнилъ ее Стадолинъ. — Тс-съ! Теперь — молчаніе: Павлуша играетъ! Кто себѣ не врагъ, — слушайте его!

И медицинскій студентъ, взявъ подъ руку знатока литературы, на цыпочкахъ прошелъ въ гостиную и, сѣвъ у самой стѣнки, замеръ, въ восторженномъ благоговѣніи предъ игрой своего родственника, къ которому и помимо преклоненія предъ музыкальнымъ талантомъ его, онъ питалъ самую преданную дружбу.

Торновичъ такъ игралъ, что его заслушаться было не диво. Часть ночи пробилъ, когда онъ вскочилъ, извиняясь.

Его увѣрили, что и до полудня готовы просидѣть его слушая, не только что до разсвѣта.

А разсвѣть въ самомъ дѣлѣ стояль бѣлый, въ эту весеннюю ночь, когда гости Горянскихъ наконецъ распрощались, а Стадолинъ и двое другихъ студентовъ, жившиѣ у нихъ, разошлись по своимъ комнатамъ.

Давно спавшая Варвара Алексѣевна заворчала на дочерей, когда онѣ прошли мимо ея перегородки въ свою маленькую комнатку.

— Ну, слава Богу! Насилу-то разошлись. Я ужъ думала, никогда сегодня конца не будетъ!

— Ничего, мамочка! Вѣдь завтра праздникъ: можно поспать! отозвалась Настя.

— Можно поспать! Еще бы!.. Это вамъ,— что лбы перекрестить разучились, можно поспать; а мнѣ въ восемь часовъ къ обѣднѣ идти надо, чтобы моего мѣста, у праваго клироса, не заняль кто! соннымъ голосомъ жаловалась старуха.

Какъ только сестры очутились однѣ, меньшая подбѣжала къ Ксениѣ, охватила ее руками, ласкаясь, и прошептала, заглядывая ей въ глаза:

— Ксаночка! Милушка! Говорилъ онъ тебѣ что-нибудь?.. Скажи, — говориль?.. Я вѣдь видѣла, передъ чаемъ, когда онъ показывалъ тебѣ альбомъ, что съ собой принесъ... Когда еще не приходилъ этотъ долговязый франтъ, — Викторъ Сергѣичъ, — у! Ненавижу его!.. Мы съ мамой чай готовили, а я видѣла въ дверь, что онъ что-то тебѣ, такъ серьезно, серьезно говорить и смотрить!.. Ахъ! Какъ онъ смотрѣль на тебя, Ксано!.. Да говори же!

— Что говорить-то, голубка?.. Мало хорошаго... Вотъ какъ ушлютъ его Богъ знаетъ куда, можетъ насмерть! вздохнула старшая сестра, раздѣваясь.

— Не ушлютъ! страстно вскричала Настя. — Не могутъ его услать: Богъ не допустить!.. Я такъ молилась у Спасителя! Такъ молилась о тебѣ, Ксаночка... Гораздо больше, чѣмъ о своихъ экзаменахъ... Ну, ихъ!.. А завтра опять туда, въ Петра Великаго домикъ, сѣзжу... Я такъ вѣрю этому образу! Онъ всегда помогаетъ! Всегда чудеса дѣлаетъ!

И дѣвочка принялась съ жаромъ разсказывать о многихъ «чудесахъ», слышанныхъ ею въ гимназіи, быстро раздѣваясь.

Обѣ уже были въ постели, Ксения уже потушила свѣтъ, когда Настя вдругъ поднялась, сѣла въ кровати и, сжавъ свои худенькия руки до боли, вскричала страстнымъ шепотомъ:

— А знаешь, Ксаночка: тоть долговязый нарочно старается подбивать Павла Александровича! Онъ нарочно его уговаривает уѣхать!.. Я навѣрное, навѣрное это знаю!.. Онъ хочетъ его отъ тебя услать... Онъ самъ въ тебя влюбленъ и ревнуетъ! И боится, что братъ за тебя посватается, — а онъ съ носомъ останется!.. Да!.. Только онъ тебя гадко любить!.. Не такъ любить, какъ Павель Александровичъ. Онъ — самъ гадкій! Я его ненавижу.

— Полно, Настя! Ну что ты понимаешь?.. Съ чего тебѣ приходить на умъ...

— Я?.. Я *все* понимаю! увѣренno воскликнула дѣвочка. — Я лучше тебя понимаю, потому что ты добрая! Ты ни въ комъ зла не видишь. И любишь Торновича, и ничего не замѣчаешь въ другихъ... А я за тебя вижу: этотъ Вико — гадкій! Онъ никого не любить, кромѣ себя самого. А въ тебя — влюбился, и ни за что не захочеть, чтобы братъ его на тебѣ женился. Ты ужъ повѣрь: Даня-то вѣдь ихъ хорошо знаетъ!

— А, это все Стадолинъ тебѣ рассказывалъ? улыбаясь, замѣтила Ксения.

— Да. Онъ много разъ рассказывалъ!.. Онъ славный!.. Онъ очень тебя любить!

— Ну, ужъ по-твоему — всѣ въ меня влюблены!. Вѣтъ ужъ какая красавица побѣдительная...

— А что-жъ?.. Ты развѣ не красавица?.. Еще какая!.. Но Стадолинъ не такъ... Онъ и всѣхъ нась любить... Онъ помнить, сколько покойный отецъ ему добра сдѣлалъ. Онъ — честный! Я его, какъ родного брата люблю!

— Ну спи, Насточка!.. Мама услышитъ — разсердится!.. Да и пора... Спокойной ночи, голубка!

И сестры замолчали. Но Настя давно мѣрно дышала во снѣ, когда старшая Горянская еще и не думала засыпать. Она закинула руки за голову, подъ свои черныя, блестящія косы; смотрѣла на бѣлесоватый свѣтъ въ окнѣ, за которымъ раннее петербургское утро окончательно входило въ права свои; но не сознавала

ничего, кроме своихъ тревожныхъ думъ, то сжимавшихъ ей сердце боязнью, то всю ее охватывавшихъ жаромъ и пыломъ сознательнаго счастія.

II.

Жили-были на свѣтѣ два брата, Сергѣй и Александръ Торновичъ, а у нихъ была еще старшая сестра, рано вышедшая замужъ, противъ воли родителей, за человѣка хорошаго, но бѣднаго, за Михаила Даниловича Стадолина, молодого учителя, жившаго въ ихъ домѣ, при братьяхъ ея. Бѣдная женщина пила горькую чашу, вдали отъ родныхъ, отъ нея отказавшихся и рано умерла, оставивъ одного сына, — четырехлѣтняго Мишу на попеченіи отца.

Быть можетъ, участъ ея и перемѣнилась бы, еслибы родители ея тоже вскорѣ не умерли, не успѣвъ простить дочери, а сыновей своихъ оставивъ небольшими мальчиками на попеченіи опекуновъ. Братья Торновичъ сестры своей почти не знали; о сынѣ ея никакого не имѣли понятія и думать забыли о существованіи родственниковъ своихъ Стадолинъхъ. Молодой Стадолинъ, воспитанный отцомъ въ нѣсколько преувеличенной гордости «плебея», не признаваемаго «аристократами» дядями, никогда не поминаль ихъ именъ; такъ что сынъ его, — Данила Михайловичъ, и не подозрѣвалъ о ихъ существованіи. На дальней южной окраинѣ Россіи, где оба старшіе Стадолины, отецъ и сынъ, учительствовали, довольные своимъ скромнымъ удѣломъ, никто и не подозрѣвалъ, что между ними и «богачами помѣщиками Торновичами», никогда не пріѣзжавшими въ свои малороссійскія имѣнія, такое близкое родство. Менѣе всѣхъ зналъ о томъ ихъ внучатный племянникъ, Даня, тоже рано осиротѣвшій. Сначала умеръ его отецъ, потомъ мать, а вскорѣ и дѣдъ его, оставивъ круглаго сироту на попеченіи совсѣмъ

чужихъ людей, безъ всякихъ средствъ къ жизни, кромѣ полу-развалившагося деревяннаго домишкі, гдѣ протекла вся ихъ жизнъ.

Въ свое время братья Торновичъ тоже женились. Старшій женился по расчету, на дочери своего прямого начальника, графинѣ Самборской и, благодаря этому союзу, какъ и врожденнымъ своимъ дипломатически-практическимъ талантамъ, пошелъ быстро по службѣ; сравнительно въ молодыхъ лѣтахъ онъ занималъ очень важный постъ въ столицѣ, а когда умеръ, оставилъ вдовѣ своей и сыну Виктору не только прекрасное состояніе, но и очень большую пенсію. Состояніе сильно поразстроилось и порастяслось вдовой его за границей, но пенсія выручала отъ нужды, на которую госпожа Торновичъ все-жъ таки постоянно жаловалась, къ величайшей досадѣ и крайней печали сына своего, котораго она, съ помощью сослуживцевъ покойнаго мужа, тотчасъ по окончаніи университетскаго курса, превосходно устроила по службѣ.

Александръ Торновичъ женился совсѣмъ не по расчету и по мнѣнію старшаго брата и многихъ родственниковъ, — «страшно дерожировалъ своему достоинству, вступивъ въ неравный бракъ («une mésalliance criante», опредѣляла супруга его старшаго брата) съ дѣвушкой не дворянскаго происхожденія, — съ купчихой». Эта купчиха была очень красива, хорошо воспитана и оказалась прекрасной женщиной; тѣмъ не менѣе ее сторонились и за глаза о ней иначе не выражались, какъ съ презрительнымъ снисхожденіемъ, — «cette petite madame Tornovich...» Но съ теченіемъ времени, когда «cette petite madame Tornovich» умудрилась не только въ цѣлости сохранить сыну отцовское и свое достоиніе, но еще угораздилась получить большое наслѣдіе, ею перестали помыкать, и она уже превратилась въ «cette chère, cette bonne, cette charmante madame Tornovich».

Такимъ же «*bon, charmant и cher*» — пребывалъ и племянникъ Поль, для семьи Сергѣя Павловича Торновича при жизни и послѣ смерти дяди, умершаго лѣтъ за пятнадцать до начала этого рассказа. Надъ Торновичами вообще тяготѣла странная судьба недолговѣчности. Почти всѣ члены этой семьи умирали въ молодости. Отецъ Виктора Сергѣевича, дожившій всего до пятидесяти лѣтъ, считался исключеніемъ. Теперь единственными представителями ея были двоюродные братья Викторъ и Павель.

Три года тому назадъ, только-что вступившій на свѣтское и служебное поприще блестящій Вика Торновичъ неожиданно получилъ сильно удивившее его письмо.

Онъ прочель его, перечель, пожаль плечами и въ крайнемъ недоумѣніи воскликнулъ:

— Вить странные люди!.. Да мнѣ-то какое же до всего этого дѣло?!

Письмо гласило, что нѣкій «Даня Стадолинъ, двоюродный (будто-бы!) племянникъ его, благополучно окончивъ гимназическій курсъ въ хохлацкомъ городкѣ С., сгараѣтъ желаніемъ продолжать образованіе въ столицѣ, въ какомъ-либо высшемъ учрежденіи, но совершенно на то не имѣть средствъ. Тѣмъ не менѣе, надѣясь на помошь Божію и свои способности, онъ рѣшается пуститься въ путь, поискать доступа въ университетъ или въ медицинскую академію, куда влекутъ его природныя склонности... Самъ онъ никогда не рѣшится затруднить собою родственниковъ», — гласило посланіе: «не знаетъ даже, что я, его опекунъ и воспитатель, беспокою васъ этимъ письмомъ. Но я считаю своей обязанностью предупредить васъ, а равно и семью Александра Павловича, если есть таковая, о существованіи и крайней нуждѣ родственника вашего, достойнаго и способнаго юноши, надѣясь, что вы не откажете ему въ участіи и возможной помощи...» За симъ слѣдовалъ петербургскій адресъ Данилы